

Сватоплук Чех

Воспоминания о Востоке

Очерки из путешествия на
Кавказ и обратно

(продолжение)

Sebrané spisy Svatopluka Čecha.

Díl XX. Doplněk prósy.

Praha: F. Topič, 1905.

S. 189–193.

© Перевод с чешского Владимира Пукиша.

4

(Осетины. — Немного филологии. — Крепкое пиво. — Одежда осетин. — Осетинский аул. — Базар. — Осетины, продающие землянику, и другие картинки с базара. — Женщины.)

Более всего во Владикавказе меня заинтересовали осетины. Об их происхождении существует множество предположений. Некоторые немецкие этнографы утверждали, будто в осетинах сокрыто германское ядро: дескать, это потомки войска крестоносцев, задержавшегося на Кавказе. В самом деле, осетины носят шляпы и пользуются стульями со спинкой¹! По-осетински шапка — *chut*, дворянин — *aldar*, отец — *fet*, мать — *mat*, восемь — *ašt* — чистейшая, казалось бы, немецкая речь². Я записал в свой дневник множество других слов, от которых «разит» немецким: *čsl* — малый, *fš* — баран, *nh* — лоб, *dmge* — свет³. Этого, пожалуй, достаточно, чтобы читатель уяснил суть.

К слову сказать, большинство кавказских языков отличаются прямо-таки невыразимыми сочетаниями согласных; в этом отношении армянский язык соперничает с грузинским, и то же самое исследователи утверждают о говорах горцев Дагестана. Достаточно взглянуть на подробную карту Кавказа: она буквально кишит топонимами, из которых Мцхет, Тххлх, Мтацминда и тому подобные — еще из самых мелодичных.

Но вернемся к осетинам. Вопросы об их происхождении для себя так и не разрешил, зато искренне к ним привязался. Меня подкупала их простота, детская наивность, первозданное восприятие жизни, отражавшееся во всей их наружности.

Я неизменно видел у них много земляники, лыка и коры; они словно пахли самым глубоким, прекрасным божьим лесом. Это истинные дети природы.

Во мне пробудилось сочувствие к этому народу вследствие притеснений, которые ему пришлось — и отчасти все еще приходится — терпеть со стороны других кавказских племен. Грузины и черкесы разделили их: одной части вручили крест, другой — полумесяц, третья осталась языческой; но, по существу, разницы в том немного. Осетина вряд ли можно упрекнуть в чрезмерном религиозном рвении.

Однажды я подозревал нескольких осетин-магометан, стоявших у арбы на улице, и предложил им по стакану *луты*⁴ — особого пива осетин-христиан, которое с любовью варит во Владикавказе один наш земляк-пивовар⁵; на вкус оно, впрочем, ужасно. Они замялись, сославшись на веру, но в конце концов молча взяли стаканы, выпили залпом и так же молча поставили их на стол; ни одна мышца на их лицах не дрогнула, чему я, учитывая качество пива, немало удивился. С тем же молчанием они осушили второй стакан, а затем и третий. Думаю,

¹ Скорее всего, автор имеет в виду, что осетины, в отличие от других горцев, пользуются «европейскими» предметами быта — например, стульями, тогда как в горах обычно сидели на коврах или скамейках без спинок. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² Совр. осет. в написании кириллицей в сравнении с нем.: *худ* (*der Hut*), *æлдар* (*der Adlige*), *фыд* (*der Vater*), *мад* (*die Mutter*), *асм* (*acht*). Ничего странного в этих совпадениях, как и во многих других, нет, т. к. оба языка принадлежат к индоевропейской семье.

³ Совр. осет. в написании кириллицей: *чысыл*, *фыс*, *ных*, *дымгæ* (последнее слово означает *ветер*, а не *свет*). Не совсем ясно, почему автор приводит именно эти слова как похожие на немецкий — в современном немецком *малый*, *баран*, *лоб*, *свет*, в отличие от первого ряда слов, совершенно не похожи на них. Возможно, автору они просто показались «немецкими» на слух.

⁴ Очевидно, «Алутон» — осетинское пиво густой консистенции, сваренное по старинным технологиям.

⁵ Чех.

они полагали, что стакан следует выпивать непременно залпом.

Одежда осетин, или иронов, как они сами себя называют, шьется из домотканого сукна по черкесскому образцу. Она проста и порой небрежно скроена, однако главной ее особенностью остается головной убор. Это высокая шапка с узким верхом, сшитая из четырех кусков войлока – белого, черного или крашеного, – украшенная яркой лентой. С ее верхушки на лоб спадает кисточка из нитей или конского волоса.

Однажды я побывал вместе с одним чехом в старом осетинском ауле (деревне) под Владикавказом, почти в его предместьях. Хижин здесь низкие, деревянные и снаружи выглядят довольно идиллически. При каждой – сад, обнесенный живой изгородью; в нем растут высокие деревья, кроны которых почти смыкаются, отбрасывая густую, манящую тень. Под ними царит плотный зеленый сумрак, чрезвычайно притягательный для путника, идущего по выжженной улице под палящим солнцем.

Мы вошли в одну из подобных хижин, наскоро сбитую из досок и покрытую корой. Внутренним своим убранством она напоминала жилище Робинзона. Через отверстие в середине крыши предполагалось отведение дыма от каменного очага, помещавшегося в центре избы; однако в тот день дым не находил выхода и тяжелыми слоями стлался по всему помещению. Сквозь сизую мглу смутно вырисовывался силуэт тучной осетинки в лохмотьях. Она безмолвно устремила на нас большие глаза, лишенные всякого выражения. За ее спиной прятался мальчик с лицом, обезображенным оспой. Старуха молча обтерла для нас деревянный табурет – по всей вероятности, собственного изготовления, – но воздух был столь густ и тягостен, что мы поспешили удалиться, оставив милостыню в протянутой детской ладони. По-видимому, соседство с русским городом не принесло этой осетинской деревне ожидаемой пользы.

Наиболее поучительной в этнографическом отношении оказывается прогулка по Владикавказскому рынку в базарный день. Обширная четырехугольная площадь буквально кишит людьми, животными, повозками, шатрами и всевозможными товарами. Этот рынок отличается от обыкновенного городского базара приблизительно в той же мере, в какой римский карнавал отличается от нашего масленичного гулянья.

В этом пестром оживлении нетрудно различить сравнительно однородные группы, определяемые, по-видимому, не столько родом товаров, сколько национальностью торгующих.

Вот в ряд выстроились четырехколесные телеги, до мельчайших подробностей сделанные из дерева. На них восседают усатые русские мужики в светлых холщовых рубахах и их жены в красных сарафанах.

По соседству – арбы на двух цельных деревянных колесах, запряженные коровами или мрачны-

ми буйволами. На грубо сработанное деревянное ярмо, стоя в живописных позах, упираются локтями мужчины – босоногие либо обутые в кожаные башмаки, в длиннополых кафтанах и высоких шапках из белого, серого или черного войлока. Впрочем, и без этих шапок в них сразу угадываешь осетин. Достаточно лишь взглянуть на мешки, сплетенные из гибкой древесной коры и стянутые лыковыми бечевками: они до краев наполнены мелкой красной земляникой. Кажется, будто эти ягоды да плетеные из коры мешки составляют единственное, что производит и чем торгует осетинская земля. Я невольно задавался вопросом: кто все это покупает? Ягоды тверды, кислы, – и все же осетин сбывает их с той упорной настойчивостью, словно перед нами товар первый и насущнейший для его хозяйства.

Каждое утро на углу улицы, перед моей гостиницей, останавливалась арба, груженная земляникой, – точь-в-точь как у наших деревенских молочниц. Вокруг нее собиралась вся осетинская семья. Мальчишки разносили по домам лубяные лукошки с ягодами, тогда как отец, лениво и с видом полного

Ossetinci.

Осетины. Фото из чешского журнала Květy («Цветы»), 1899 г., № 5, стр. 628

равнодушия, стоял у арбы. Временами он опускал руку в корзину, доставал горсть ягод и, не торопясь, отправлял их в рот – одну за другой. Точно так же все происходило и здесь, на базаре.

А вот среди своих товаров – кукурузы, проса, шкур и дров – расположились чеченцы, ингуши, назранцы, кумыки (народ, кочующий подобно калмыкам). Несколько поодаль виднеются высокие, бородатые мужчины в живописных одеждах, с резкими, своеобразными чертами лица – несомненно, кабардинцы. Проходит татарин⁶ в мохнатой бараньей шапке, цветастой желтой блузе и широких синих шароварах; его коротко остриженная рыжая борода и лицо, исчерченное глубокими морщинами, придают ему столь суровый и твердый вид, что оно напоминает металлическую маску античного театра. Он ступает тяжело, больше на пятку, чем на носок, так что, кажется, дрожит земля под его босой, плоской и широкой ногой. За ним едет верхом кавказский еврей в грузинской одежде, съевшийся и сгорбленный, как это можно наблюдать повсюду в мире.

То здесь, то там в открытых арбах горцев восседают женщины. Старухи некрасивы и, по-видимому, мало заботятся о том, чтобы скрывать грудь от любопытных взоров. Среди молодых, напротив, попадаются весьма красивые. В одной из арб сидит высокая, стройная девушка в плотном, облегающем платье из мягкой черной ткани, из-под которого выглядывают вишневые шаровары со сборками; поверх надета ярко-цветная кофта с широкими рукавами. Белая тонкая вуаль закрывает нос и нижнюю часть лица, оставляя открытыми лишь большие черные глаза. Голову ее венчает круглая черная шапочка, расшитая мелким жемчугом.

Вообще женщины эти нередко бывают высоки ростом, с лицами мужественного склада; они носят пестрые шаровары и яркие верхние одежды, повязывают платки и обуваются в заостренные башмаки красного или желтого цвета.

5

(Товары с базара. — Продуктовый рынок. — Позорный столб. — За городом. — Магометанские могилы. — Караван назранцев.)

И продавцы, и покупатели на Владикавказском базаре столь колоритны, что иностранец почти утрачивает из виду сам предмет торговли. Между тем и он ничуть не уступает своим хозяевам в не-

обычности и пестроте. Стоит лишь начать рассматривать – и уже невозможно оторваться: каждая мелочь приковывает взгляд своею самобытностью. Все, что вылеплено из глины и вырезано из дерева, – кувшины, курительные трубки, музыкальные инструменты, – заметно отличается формами от наших изделий и свидетельствует о совершенно ином вкусе. Здесь лучше, нежели на какой бы то ни было этнографической выставке, можно познакомиться с домашним бытом окрестных народов.

Из сельскохозяйственных продуктов преобладают кукуруза, просо, сушеные табачные листья, вино в бурдюках, сшитых из звериных шкур, и арбузы – темно-зеленые дыни с чудесной красной мякотью и превосходным вкусом.

Европа тоже заняла на базаре свое место. Главными посредниками здесь выступают армяне. Увы, они мало заботятся о товарном виде своих изделий, и их лавки с «европейскими галантерейными товарами» скорее напоминают лавки наших старьевщиков. К тому же и самый товар отличается крайней пестротой. Заглянем в одну такую лавчонку: здесь корзина с оловянными перстнями, пара поношенных ботинок, кучка книжек, балалайка и русские счеты, а снаружи весело покачиваются мятый цилиндр и пара щегольских пестрых узорчатых брюк. Некоторые продавцы, по-видимому, слишком буквально усвоили притчу о подкове и вишнях⁷: они сидят на изношенной циновке, с серьезным видом созерцая кучку согнутых гвоздей, ржавых подков и прочей железной рухляди. Кто станет завидовать их дневной выручке?

О телесном подкреплении публики здесь тоже позаботились более чем щедро. Для жаждущих имеется множество «духанов» (кабаков), а для проголодавшихся – крытый продуктовый базар, разделенный рядами колонн, предлагает всевозможные яства. Здесь высочатся груды овощей, горы сала и масла; рядом – хлеб и всевозможная выпечка самых разнообразных форм, кучи вяленой рыбы и вареных ножек, пирамиды яиц, огромные противни с разноцветными студнями и жаркое, в которое уже вонзили вилку – прямо в самый лакомый кусок. Со всех сторон доносятся зазывные голоса торговцев: «Кислое!» – «Квас!» – а вокруг огромных, блестящих, приятно гудящих самоваров теснятся вспотевшие мужики с жестяными кружками в руках.

Обонянию приходится здесь нелегко. Да и слуху не легче: протяжные выкрики продавцов, крики и смех, разговоры на самых разных наречиях, шипе-

⁶ Балкарец.

⁷ Вот эта сказка («Отец и сын») в изложении казахского педагога-просветителя, писателя, фольклориста, этнографа Ибрая Алтынсарина (каз. **Ыбырай Алтынсарин**, 1841–1889): отец и его десятилетний сын шли с поля и увидели на дороге подкову. Отец сказал сыну: «Сынок, подбери подкову, возьмем ее с собой». Сын отцу: «Отец, зачем мне эта сломанная подкова?» Отец промолчал, наклонился и сам поднял подкову. На окраине города жили кузнецы. Подкову, что подобрал отец, он продал им за три монеты. Пока они шли, на дороге встретили людей, что торговали вишней. Отец купил на только что приобретенные три монеты сверток вишни и начал ее есть, не обращая внимания на сына. Пока они шли, отец выронил одну вишенку. А сын, что плелся сзади, обрадовался и подобрал эту самую вишенку и съел ее. Тут упала еще одна вишенка... еще одна... и еще одна... и так раз десять. Сын наклонялся за каждой. В конце концов, отец повернулся к сыну со свертком вишни и говорит: «Видишь, сынок, за сломанной подковой ты поленился наклониться один раз, когда за вишней, которую мы купили на деньги со сломанной подковы, ты наклонился десять раз. Запомни: не захочешь делать одну работу – нарвешься на много работ; не будешь рад малому – лишишься многого».

ние сковород и котлов, потрескивание огня, а снаружи – ржание лошадей, рев ослов, блеяние коз, раздражающее уши жалобное мычание молодых верблюдов, скрип колес, – все это разом обрушивается на ваши уши и кружит вам голову.

В толпе встречаются также группы свирельщиков и цимбалистов, фокусники и танцующие медведи. Порой публике предлагается и зрелище иного рода: русская власть на Кавказе идет навстречу духу Азии и выставляет приговоренных преступников к позорному столбу перед отправкой в Сибирь. Самому мне не случилось быть свидетелем подобного представления, но, судя по общей сценографии базара, зрелище это, без сомнения, отличается немалой драматической выразительностью.

Устав от шумной сутолоки базара, я вышел за городские ворота прогуляться в сторону гор. До самого их подножия местность сохраняет степной облик. Я брел сквозь высокие травы, благоухающие бесчисленными цветами. Впереди открывался живописный ряд конусовидных холмов, густо поросших изумрудным лесом. Над ними возвышалась фантастическая гора Столовая, получившая свое имя по форме: широкая, желтая, обнаженная скала, сверху словно срезанная в ровную плоскость. На заднем плане врезались в низкие облака отвесные склоны более высоких гор, затянутые туманом. Равнина передо мной, вплоть до самых гор, дышала идиллическим покоем; лишь несколько крытых корой крыш осетинской деревни выглядывали из густой группы деревьев за покосившимся забором.

За деревней я наткнулся на два прямоугольных огороженных участка, окруженных глубоким рвом. Забравшись на полуразрушенную стену одной из оград, я понял, что это магометанские кладбища. Одно из них было завалено камнями и густо заросло крапивой, папоротником и кустарником. Из этого хаоса поднимались несколько ореховых деревьев, по которым вился дикий хмель. В одном углу из земли торчал деревянный столб, увенчанный округлой головкой, по всей видимости изображавшей тюрбан; дерево посерело от времени. В другом углу к стене была прислонена высокая каменная плита с закругленной верхушкой, вся покрытая узорами и надписями. На ней можно было различить изящные арабески, строки арабской вязи, а также изображения различного оружия, которым, по видимому, владел покойный воин: кинжала, шлема, ножа, пистолетов, шашки и некоего булавоподобного оружия – возможно, цепя или кистеня (бич с железным шаром на конце). В другой части плиты вырезаны кальян (по-турецки *nargile*) и чётки. Все это было выпукло вырезано из камня и раскрашено в живые, яркие цвета.

На втором, меньшем кладбище, стоял лишь один столб с деревянным тюрбаном, а в центре возвышался высокий тополь, по которому также вился дикий хмель.

Какие герои нашли покой в тени этого тополя и орешника? К какому племени они принадлежали?

Живы ли еще в народной памяти их деяния? Приходит ли кто-либо сюда, чтобы задуматься о прошлом над их могилами? На эти вопросы мне не удалось найти ответа. Знаю лишь, что после шумной базарной сутолоки эти запущенные кладбища безымянных богатырей произвели на меня глубокое элегическое впечатление: поседевшие от времени деревянные тюрбаны, наполовину утонувшие в траве, каменная плита с надписью, которую я не смог прочесть, и исполинский тополь, чья мелкая листва поблескивала на солнце и дрожала, словно шепча какую-то таинственную легенду.

На обратном пути я встретил перед городскими воротами караван магометан-назранцев, перекочевывавших в свои летние жилища где-то в горах. В окрестностях Владикавказа уже ощущались первые признаки того бурного движения, которое наполняет необъятные просторы северных степей – родину беспокойных кочевых племен. У назранцев есть постоянные аулы на равнине, но каждое лето в них просыпается тоска по зеленым и прохладным горным склонам. В назначенное время они поднимаются в путь, словно перелетные птицы: запрягают коней или быков в крытые парусиной кибитки, укладывают на них весь свой нехитрый скарб, усаживают семьи – женщин и детей – и отправляются вместе со стадами прочь из знойной, выжженной равнины в отдаленную горную долину, где разбивают шатры посреди сочных пастбищ, на свежем воздухе, охлажденном близостью вечных снегов и наполненном ароматами лесных цветов. Там они проводят несколько месяцев, а когда сырость и осенние бури делают пребывание на высотах неприятным, назранцы пускаются в обратный путь, к родным местам на равнине.

Встреченный мною караван состоял из нескольких кибиток. Вероятно, это был один из переезжающих аулов. В облаках степной пыли пронесся мимо меня кусочек Востока, частица особой кочевой поэзии. Впереди во весь опор скакали косматые мужчины с чалмами и шапками на головах, полностью вооруженные. За ними мчались кибитки, под парусиновыми навесами которых виднелись женщины и дети. Среди них встречались как худые, так и тучные женщины в пестрых халатах и шароварах, обвешанные диковинными украшениями. На груди у них блестели металлические пластины или круглые щиты из желтой жести, а лица, от глаз до подбородка, были закрыты яркими четырехугольными кусками ткани. Над ними в мир смотрели огненно-черные глаза. Вокруг голов обвиты пестрые платки; в щелях между складками покрывал проглядывала смуглая кожа лица и шеи. По обе стороны лица, под ушами, покачивались большие металлические кольца, к которым по кругу были нанизаны мелкие колечки. На руках у одной женщины сидела симпатичная смуглая девочка с двумя рядами золотых монет на лбу, под взъерошенными черными волосами.

За повозками следовало стадо коз с длинными

ми, закрученными, словно языки пламени, рогами, черных овец, лошадей и жеребят, которых криками и длинными жердями погоняли скачущие верхом мальчишки. Замыкал караван мужчина, игравший на струнном музыкальном инструменте необычной формы – певец каравана.

6

(Цыганский табор. — Буйство трав. — Полуобнаженная красавица. — Горная долина. — Черная молитва горцев.)

Накануне отъезда я вместе с одним чехом принял прогулку в очаровательные, поросшие лесом холмы, зелеными волнами раскинувшиеся у подножия высоких гор.

Мы наняли за полтора рубля легкую повозку, которая не спеша несла нас на юг по степной траве – быстро и почти беззвучно.

Но сначала нам пришлось преодолеть препятствие за Назрановскими воротами: там раскинули табор цыгане. Казалось, их согнали сюда откуда-то из гор. Ходили слухи, будто в одной осетинской деревне цыгане убили мужчину и отрезали руку женщине.

Цыгане – народ романтический до глубины костей. И не только у нас, где романтики и без того хватает, но и в краях, менее выровненных катком цивилизации. Пусть иной народ одевается живописнее, пусть он чище или грязнее, пусть более оригинален, – цыган превзойдет его в живописности, в грязи и в своем своеобразии. Я убедился в этом и здесь, в пестром Владикавказе.

Здесь стояли несколько небольших телег и грязных, латаных шатров. Вокруг щипали пожелтевшую траву тощие лошаденки. С перекрещенных жердей над огнем свисали черные котлы, из которых валил густой мутный дым, придавая фантастическим фигурам, сновавшим вокруг костров, еще более призрачный вид. А когда мы приблизились к табору, все вдруг будто ринулось нам навстречу: шатры захлопали, котлы закачались, пестрые лохмотья затрепетали – и в диком вихре к нашей повозке метнулись старики, молодежь, женщины, дети и рыжие, костлявые собаки, похожие на волков.

Но наш возница не жалел цыганской толпы. С громким проклятием он хлестнул лошадей, и те понесли нас в бешеном галопе. Мы лишь на миг успели увидеть вытянутые руки, дикие лица с живыми глазами, жадные взгляды, развешивающиеся белые и черные волосы, грязные лохмотья, красные шапки и фальшивое золото, полностью обнаженных детей, которые с криками цеплялись за колеса, перебегали перед лошадьми и катались по пыльной земле, цвет которой почти сливался с их кожей.

К счастью, нам удалось вырваться, бросив в эту неразбериху горсть медяков, но одна фигура не отставала. Это была девочка лет четырнадцати, с вороными волосами, заплетенными в длинные косы, одетая лишь в грязную рубашу, которая была

прорвана в нескольких местах, словно пострадала от того же бедствия, что и храмовая завеса в Иерусалиме. Благодаря этому взору открывались изящные очертания её смуглого, гибкого, стройного тела; она бежала за нами, яростно ударяя себя обеими руками в грудь. Ее смуглое лицо искажали судороги, но мягкие черты от этого казались еще выразительнее, а на их фоне особенно ярко сияли два ряда белоснежных зубов – словно ожерелье из самых прекрасных жемчужин.

Когда мы, наконец, с помощью пригоршни медных монет избавились и от этой упрямой Сирены, перед нами раскинулась тихая местность у подножия гор. По одну сторону показалось огороженное осетинское кладбище, усеянное ярко разукрашенными надгробьями.

Мы доехали до подножия холмов. Сойдя с повозки, направились пешком в узкое ущелье, которое вдалеке заканчивалось конической вершиной. Посреди ущелья, через гладкие валуны, стремительно перескакивал горный ручей. Невысокие склоны по обеим сторонам горделиво красовались изумрудным убором пышной лесной растительности, густо переплетенной диким хмелем. Знаю, что выражение «изумрудный убор» избито и едва вызывает представление о зеленом цвете; но, право, я не знаю, с чем бы еще сравнить ослепительную зелень кавказского леса, сияющего ярким, повосточному теплым блеском.

Мы долго шли по ущелью, улыбающемуся этой чудесной зелени, но наше путешествие не было однообразным. Кавказский лес не допустит, чтобы его гость заскучал. На каждом шагу тебя ждет приятный сюрприз, словно в самом прекрасном парке: то пленяет живописная группа деревьев, то бархатистая лесная лужайка, то сумрак природной беседки, сотканной с божественным вкусом из листвы винограда и дикого хмеля. Где-то царит поэзия гниения – зеленый туман плесени, фантастические грибы-недотроги, колдующие на гниющем пне.

Если в тебе дремлет хоть искра любви к прелестям флоры, здесь она вспыхивает жарким пламенем восторга и восхищения на каждом шагу, когда едва удастся не задеть волшебные чашечки неведомых цветов. Вокруг раздавалось прелестное пение птиц, а время от времени по зеленым склонам от дерева к дереву перелетали черные дрозды. В остальном же в ущелье царила глубокая, священная тишина.

Хоть нас и окружала довольно буйная природа, я все же заметил, что она не достигала той вакхической дерзости, какую я наблюдал в мингрельских дебрях и окрестностях Новороссийска. Там невозможно было сделать ни шага в хаосе леса из-за дикого терновника и гордиевых узлов стелющихся растений. Жизнь зверья там была куда богаче: когда я поднимался на солнечные склоны над Новороссийском, каждый куст будто оживал – отовсюду доносилось таинственное шуршание, и куда ни глянь – всюду на солнце грелись длинные желтые

змеи, зеленые ящерицы, черепахи и прочая подобная живность. А здесь – ни одной черепахи.

Зато здесь меня поразило поистине неистовое буйство трав. По мере нашего продвижения ручей понемногу исчезал под листвою водных растений, которые становились все громаднее. Это были те же растения, что обрамляют и наши ручьи, но в десятикратном увеличении. На широких стеблях, высотой с человека, распластались гигантские зеленые щиты и веера – папоротники, осока, все достигало сказочной высоты. Казалось, будто мы вместе с Гулливером очутились в Бробдингнее, стране великанов. Даже снежно-белые и лазурные колокольчики цветов, покачивавшиеся в этом хаосе, поражали своими размерами. Все дно ущелья было устлано этими огромными зелеными щитами – словно через него шел отряд эльфов, защищавших свои головы плотно сдвинутыми щитами. Этот отряд продвигался и в окружающий лес – там, под ветвями деревьев, тоже виднелись эти зеленые щиты, среди листвы, смешавшейся в причудливом хаосе с водной растительностью. Вся эта картина, весь пейзаж – внизу, по краям и вдали, сотканный

из несметного множества разнообразной зелени, – мог бы стать драгоценным экспонатом в коллекции Бодмера⁸.

Я хотел ступить в эту чащу – и провалился в ней по шею. В конце концов мы вышли к такому лабиринту, что волей-неволей пришлось повернуть обратно. Да и надвигающиеся сумерки подталкивали к возвращению.

По дороге мы повстречали двух горцев-магометан. Издали мы увидели, как они разостлали на траве свои мохнатые бурки, то стоя на них, то падая ниц лицом к югу. Они совершали вечерний намаз. Эта тихая молитва – в тихом ущелье, где за зеленые кроны деревьев уже заходило солнце, под птичий щебет – содержала в себе нечто священно-трогательное.

Поздно ночью мы вернулись во Владикавказ. А на следующий день я простился с городом, чтобы через самое сердце Кавказских гор направиться обратно – в знойную Грузию.

(Окончание следует).

⁸ Карл Бодмер (нем. **Karl Bodmer**, после натурализации во Франции – Шарль Бодмер, фр. **Charles Bodmer**: 1809–1893) – швейцарско-французский художник, живописец, портретист, гравер, литограф, иллюстратор, охотник и путешественник. Автор многочисленных акварелей, картин маслом, рисунков, гравюр, литографий и книжных иллюстраций этнографического, анималистического и пейзажного содержания, преимущественно посвященных Дикому Западу США, в частности жизни индейцев.